

7 утра. Знакомая вибрация.

Мои часы. Они все еще работают, даже после... после воды-неба-тепла-радости.

Я хотел продолжать лежать, наслаждаясь теплом постели, но что-то не давало мне покоя. Мне казалось особенно важным, чтобы я сегодня не спал. У меня... У меня были дела поважнее. Предстояло пройти испытание... человек, напротив которого я должен... сидеть?

Мои глаза распахнулись. Комната была тускло освещена приглушенным шаром света. Я нахмурился - с каких это пор свет в комнате стал таким большим? Может быть... сосед по комнате изменил его. Но тогда где же он?

Я вытянул шею, чтобы посмотреть на кровать, где должен был быть сосед по комнате, но там была только оливково-зеленая занавеска. Занавеска посреди нашей комнаты?

Наконец, до меня дошло, что я не в своей комнате в общежитии. Кровать подо мной была немного больше и удобнее, а занавеска, которая окружала кровать, была ширмой, которая предлагала некоторое уединение в том, что в остальном было открытым пространством. Мне показалось, что я слышу скрип пружин в другом конце комнаты, и это дало мне некоторое представление о масштабах этого места. Оно определенно было намного больше, чем моя комната в общежитии.

У этого места было свое название. Несколько мгновений я боролся с желанием схватить его скользкими мысленными пальцами, но затем желание сделать это исчезло, оставив меня смотреть вокруг, потерявшись. Я оглядел себя и увидел, что одет в свободную голубую хлопчатобумажную футболку и брюки. По какой-то причине эта одежда говорила мне, что я должен волноваться. Мое сердце бешено заколотилось.

"Оставайся здесь и сейчас", - говорила память словами какого-то человека. Его лицо было знакомо. Мне хотелось слушать его.

Это было очень легко сделать. Мой ум продолжал блуждать от одной оборванной мысли к другой, когда новые стимулы представлялись моим чувствам - занавеска-гладкая-зеленая; кровать-мягкая-теплая; запах-утренний-насыщенный; шаги-четкие-серьезные. И все же у меня было чувство, что это не совсем то, что я должен был делать. Я должен был остаться, а не блуждать-летать-капризничать, пока не поднимусь-не исчезну-не растворюсь в сплетенном-скованном-потоке.

- Что? - Было странно трудно следить за собственными мыслями.

Сплетенный-скованный-поток, обузданный-сломанный-вылепленный древними-далекими-пауками.

Эта оборванная мысль развеялась по ветру, когда шаги остановились прямо по ту сторону занавески, которая резко отдернулась. Белая-яркая-сила нахмурилась на меня, и я нахмурился в ответ, пытаюсь определить, где это лицо должно было вписаться в мою память. Он был одет в черный свитер, серые джинсы и кросовки, которые принадлежали кому-то другому.

- Немного разочаровывает, Кейден, - сказал он, и морщины на его лице стали глубже.

Кейден. Было лицо, которое тоже подходило к этому имени. Оно появлялось в зеркалах. Оно должно было быть моим. Я почувствовал нарастающую панику, когда понял, что не могу вспомнить лицо, которое принадлежало мне. Какова была форма, которая сочеталась с этой аурной-окружающей-вспышкой?

Мужчина, должно быть, прочел непонимание в моих глазах. Хмурый взгляд исчез, сменившись любопытством и беспокойством. Он наклонился ближе, и я наклонился вперед, пытаюсь прочитать имя, которое должно было быть скрыто в контурах и чертах его лица. Может быть, если я смогу это сделать, то смогу найти свое собственное лицо.

- Вот что бывает, когда пренебрегаешь элементарной безопасностью, - вздохнул он, качая головой. - Ты всегда должен брать с собой наблюдателя, если хочешь попробовать что-то новенькое. Я думал, ты умнее.

Это имело смысл. Но я улыбнулся ему.

- Наблюдатель мне бы не позволил... позволил мне... - Я замолчал, слова ускользали от меня. Я не мог выразить словами воду-небо-теплоту-радость.

Мужчина закатал рукава и сел на край моей кровати, толкая меня обратно. Я хотел было возразить, но тут меня отвлекло давление-твердой-плоти и кровать-память-расслабление. Одна его рука легла мне на лоб, а другая - на солнечное сплетение.

Я ахнул, когда ужасный, парализующий холод пронзил меня. Он коснулся каждой вены, каждого нерва, а затем отступил, оставив ощущение такой абсолютной пустоты, что мне показалось, будто я мог съежиться и рухнуть в ничто. Но это длилось лишь мгновение, прежде чем меня поглотило другое ощущение. На этот раз это был огонь, вытесняющий пустоту, наполняя каждую щель расплавленной агонией. Мир вокруг меня превратился в булавочный укол раздражителей, которые едва замечались, когда я погружался в океан пламени.

И все же на мгновение, сквозь бред, я почувствовал-услышал-узнал что-то из сцепленного-скованного-потока.

- Прикоснись-скажи-сломай Избранного-Ослепленного-Тюремщика.

Знакомая вибрация.

Я резко проснулся, чувствуя, что что-то ужасно не так. Свет, проникавший сквозь щели в жалюзи, был слишком ярким. Мои часы подтвердили это - было 8 утра. Почему он зазвонил на час позже?

И почему все так болит?

Невольный крик боли вырвался у меня, когда я спустил ноги с кровати. Все мое тело охватило ужасное болезненное покалывание. Это было похоже на падение в ящик с булавками и иглами, за исключением того, что иглы, о которых шла речь, были сделаны из соли и медленно скручивались, скользя в миллион микроскопических ран.

Эмброуз открыл дверь и поспешил ко мне.

- Кейден, ты в порядке?

- Н-нет, кажется, у меня был... перерасход? Полный?

Он серьезно кивнул.

- Мы послали Экстренный Вызов, когда ты вчера потерял сознание. Приехали целители и увезли тебя в лазарет, а потом не позволили никому тебя увидеть. Они просто приехали и высадили тебя здесь полчаса назад.

Я посмотрел вниз на синюю хлопчатобумажную одежду, которая была стандартной одеждой для пациентов. Обрывки этих событий начали складываться в смутное воспоминание. Это было хуже, чем пытаться вспомнить сон, который не был особенно ярким.

- Они привезли меня сюда? - успел сказать я сквозь стиснутые зубы. - Почему мне не дали выздороветь в лазарете?

- Они сказали, что тебе лучше постараться прожить день, как обычно, вместо того, чтобы спать, - сказал Эмброуз, и на его лице ясно отразилось сомнение, которое он испытывал по поводу этого конкретного совета.

- Что? - резко спросил я, недоверие придало мне сил.

- По-видимому, это рекомендовал сам Демиург.

- Колдуэлл может пойти и прыгнуть в озеро. - Я попытался закинуть ноги обратно на кровать, но все, что мне удалось, - это заставить их немного подергаться, отчего по ним побежали огненные ленты. Боль парализовала меня.

- Просто... не вставай. Я принесу тебе что-нибудь поесть. Может быть, тебе станет лучше.

Он вышел из комнаты. Что-то изменилось между нами. Я чувствовал это - отсутствовало чувство товарищества, дружбы. И когда я услышал низкий гул разговоров снаружи через полуоткрытую дверь, мне пришло в голову, что, возможно, это и было естественно.

- Он проснулся? - Это был Девон.

- Да, - ответил Эмброуз. - И я не думаю, что он в той форме, чтобы идти на занятия.

- Сегодня просто лекция, с ним все будет в порядке, - сказал Кеван немного пренебрежительно.

- У Ривза, - огрызнулся Девон. - Ты знаешь, что происходит на каждой его лекции.

- Да, но он все равно должен пойти, и если Ривз зайдет слишком далеко, может быть, Кейден обратит и на него свое принуждение и даст остальным передышку. - Я слышал усмешку в голосе Кевана.

Раздраженный, я сумел сделать достаточно вдоха, чтобы повысить голос.

- Я не какое-то чудовище!

Последовало неловкое молчание, затем разговор снова перешел на шепот. В поле зрения снова появился Эмброуз, неся тарелку с беконом и яичницей. Она все еще слегка дымилась - очевидно, дело рук Девона. Он положил ее на мой прикроватный столик.

- Слушай, если ты не в настроении, тебе надо отдохнуть, - сказал он, протягивая мне вилку.

Запах завтрака действовал как чудесный стимулятор. Я резко кивнул Эмброузу и сосредоточился на еде. За пять минут мне удалось отполировать всю тарелку до блеска. И как бы мне ни было неприятно это признавать, я чувствовал себя намного лучше после небольшого перекуса. Возможно, Демиург был прав.

Эмброуз все это время с тревогой наблюдал за мной. Его присутствие немного раздражало. Мои мысли начали кристаллизироваться вокруг некоторых недавних осознаний, обостренных болью - я, вероятно, был пронизан Пророческими Цепями в результате того, что был так близок к Эмброузу. И это, вероятно, объясняло многие странности в моей жизни в Академии, как и мой опыт с феноменом друга-в-аркане. Это было опьяняюще мощно, но это было не то,

что меня полностью устраивало.

Размышления о друге-в-аркане вернули меня к путанице мыслей и эмоций, которые возникли у меня, когда я лежал в лазарете. Было нечто... нечто огромное и непостижимое... что велело мне что-то сделать. И я очень сильно чувствовал, что это было что-то, что не имело никакого отношения к Пророчеству.

- Ты выглядишь немного лучше, - заметил Эмброуз, прерывая ход моих мыслей. - А ты не хочешь попробовать пойти на лекцию Ривза?

- Тебе нужно прекратить говорить, - раздраженно сказал я, пытаюсь передать свое нынешнее состояние. Я хотел дать понять, что не хочу, чтобы меня беспокоили.

Наконец, память вернулась ко мне, вызванная моим желанием просто понять, что тогда происходило.

Прикоснись-скажи-сломай... это была мешанина чужеродных впечатлений, которые я не понимал. А Избранный-Ослепленный-Тюремщик было слиянием понятий и чувств, которые я понимал как Избранный. Вернее, этот Избранный передо мной в частности, а не просто какой-то общий термин. Это был очень интересный набор понятий, которые идентифицировали Эмброуза. И это огромное, непостижимое нечто хотело, чтобы я очаровал его.

Искушение сделать это немедленно было непреодолимым, но я с большим трудом сдержался. Я не хотел повторения того, что случилось два дня назад с ним и Джерриком. Если я и совершу это очарование, то на своих условиях, с ясной головой.

Я осторожно поднялся на ноги. Боль утихла, превратившись в тупой ожог, и мне удалось осторожно закрыть дверь.

- Эмброуз. Мне нужно выполнить... ну, теперь я называю это очарованием. Мне нужно разрешение, чтобы сделать это с тобой.

Я ожидал возражений, но Эмброуз лишь слегка приподнял бровь. На него даже не произвел особого впечатления термин "очарование". У меня возникло подозрение, что он уже слышал его раньше, поскольку ответ пришел гораздо быстрее, чем я ожидал. Он молча кивнул.

- Но..... не здесь и не сейчас, - сказал я, моя память заполнилась немного больше. Я знал, что для этого очарования мне снова понадобится друг-в-аркане (наверняка у него есть название?), и два моих последних опыта более чем адекватно показали, что это было что-то немного неподвластное моему контролю. Демиург был прав - я должен был знать лучше, чем экспериментировать с ним в одиночку, без консультации или надзора.

- Когда? - спросил он. Мне показалось немного странным, что он так любезен.

- Ты ужасно уступчив, - раздраженно заметил я.

- Я не собираюсь спорить с кем-то, кто может летать по своей воле и очаровывать людей так сильно, что только Демиург может обратить это вспять, - сказал он, слегка усмехнувшись.

- Прекрати, - прошипел я сквозь стиснутые зубы, отчасти от разочарования, но в основном из-за реальной боли, когда я почувствовал пульсацию в своей ауре. Это было новое и очень неприятное ощущение, совсем не похожее на боль, которую я почувствовал, когда проснулся. Почему так много ароматов агонии?

Он остановился. И теперь он выглядел встревоженным.

- Ты что, думал, что я всегда буду с тобой дружить? - Раздался еще один толчок, но моя гримаса боли превратилась в вызывающую ухмылку.

- Ну... да, - сказал он с искренним замешательством в голосе.

- Нет... мы начинаем с самого начала. На этот раз, Избранный, это делаешь не ты... Пророческие Цепи... делают эту работу за тебя. - Каждое произнесение посылало новые вспышки боли через мою аурную аркану, но я уже начинал привыкать.

- Пророческие Цепи? - озадаченно повторил он. Я не мог сказать, было ли это притворством.

- Да, - сказал я, закрывая глаза и представляя глиф в своей голове. Сам акт этого, казалось, открыл мои чувства, и я сосредоточился на источнике боли и обнаружил, что он не был физическим. Я чувствовал, как Пророческие Цепи проникают в меня, погружаются в самую глубину моего существа, заполняя "трещины" и "канавки" в моей аурной аркане...

...трещины и канавки, которые они оставили, когда их каким-то образом сняли раньше.

Я попытался скинуть их, но их щупальца были неумолимы. Я попытался представить их как форму окружающей арканы, чтобы я мог освободиться от них и замедлить их проникновение с теми же принципами, которые используются для удержания окружающей арканы на расстоянии, но это тоже не имело никакого эффекта. Все, что я мог сделать, это беспомощно стоять рядом, пока они медленно змеились вокруг меня, во мне, сливаясь со мной.

Паника грозила снова захлестнуть меня. Я знал, что произойдет, если им удастся крепко ухватиться. Это сделало бы меня дружелюбным, заставило бы держаться поближе к Эмброузу, даже вопреки моим собственным интересам. Теперь, оглядываясь назад, это казалось таким ясным, особенно с помощью глифа Пророческих Цепей.

Я должен был победить. Я должен быть собой. Кто я?

Я форма, которая идет с этой аурной-окружающей-вспышкой. Эта сумбурная мысль, возникшая сегодня утром, вернулась ко мне, и теперь, в более сознательном состоянии, я смог разобрать в ней какой-то смысл. Тогда я пытался вспомнить форму своего физического лица. Но дело было не только в этом. В моей аркане была форма, которая была мной. Как имя к лицу.

Я знал эту форму. И прямо сейчас моя форма была неправильной.

Я пробежался по знакомому мне глифу, чтобы попытаться что-то склеить, чтобы сохранить форму.

Общая аурная аркана и общая окружающая аркана. Эти две вещи сформировали мою форму. Я не знал почему, но это было так. Эти глифы будут центром последовательности.

Что же касается Цепей, то их нельзя было просто снять. Им нужно было дать имя, чтобы с ними можно было бороться. Этим именем был глиф Пророческих Цепей. Таким образом, символ ближайшей окружающей арканы сможет определить, что нужно, чтобы Цепи не смогли попасть внутрь. И вместе эти глифы образуют барьер, который замедлит проникновение.

Но как очистить все внутри?

Аурная-окружающая-вспышка. Эта мешанина впечатлений, казалось, несла в себе какую-то фундаментальную истину о том, что составляет наше внутреннее существо. Я вернулся к глифам для общей окружающей арканы и общей аурной арканы, чтобы попытаться понять их больше.

Они формировали мою форму... и это означало, что они будут служить для определения ее, не только как разовое образование, но и как упражнение в постоянном приспособлении к состоянию среды. Если я правильно зафиксирую их в своем сознании, они смогут саморегулироваться. Они вспыхивали и выжигали нечистоту.

Последовательность была готова - озарения приходили быстро, им помогало отчаяние, но главным образом странное чуждое знание, которое проникло в мою душу во время моего короткого выздоровления. Это было тревожно, но я утешал себя тем, что, по крайней мере, на этот раз, я мог сказать, что это не было чем-то, что исходило не от меня. И я использовал эти вещи на своих собственных условиях, добровольно.

Мне вспомнилось предостережение Демиурга - всегда бери с собой наблюдателя, прежде чем пробовать что-то новое. Но его здесь не было, и сейчас я не доверял никому, кроме отца. К тому же я не думал, что смогу ждать так долго. Я должен был исправить это сейчас, пока я еще относительно свободен.

Я пропустил свою аурную аркану через последовательность в моей голове, и аркана внутри и вокруг меня отреагировала. Нежное тепло росло внутри меня, расширяясь в то, что казалось

особыми уголками моего разума и смывая боль. Торжествуя, я открыл глаза. Эмброуз все еще выглядел ошеломленным.

- Да, - повторил я, чувствуя, как боль утихает, а движение Цепей замедляется. - Да... однажды ты утаил информацию. И мы каким-то образом замели это под ковер. Но теперь уже нет. Я иду на занятия со всеми вами, как ни в чем не бывало. Но потом я увижусь с отцом. А потом мы с тобой... у нас будет долгожданный разговор о том, какую роль мы сыграем.

<http://tl.rulate.ru/book/53486/1357487>